

РИСКИ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА В АПК КУБАНИ

Материалом для данной статьи послужили 14 фокусированных интервью, взятых в Краснодарском крае в период с 20 января по 10 февраля 2009 г.¹ Информанты представляли различные уровни статусной иерархии в АПК: 2 чиновника краевого уровня («штабы»), 3 компетентных представителя двух кредитных кооперативов, работающих в разных районах и по совместительству ведущих свои КФХ и ОАО («середина»), и 9 владельцев небольших, но передовых КФХ и ЛПХ («низы»), освоивших в рамках ПНП «Развитие АПК» процедуру кредитования для расширения своих экономий. Нас интересовало, какие риски от мирового финансово-экономического кризиса озвучиваются в дискурсах различной социально-хозяйственной компетенции.

Для интерпретации из интервью отбирались только типичные сюжеты; представления о типичности были сформированы не до сбора данных (*ante hoc*), а в ходе анализа. К типичной ситуации мы относили любую повторяющуюся в разных интервью, взятых у не связанных непосредственными отношениями информантов, конфигурацию элементов. Круг типичных ситуаций ограничивался поставленной целью: выявить риски от мирового финансово-экономического кризиса.

ВЗГЛЯД «ШТАБОВ»: РИСКИ ВИРТУАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ

В анализе причин финансовых и экономических кризисов часто выделяют объективные и субъективные факторы. При описании объективных речь идет о наличии и отсутствии объектов, имеющих вещную (хотя и не обязательно материальную) природу и потому важных для поддержания порядка транзакций. При описании субъективных – о доверии к рынкам, надежде, что участники транзакций будут поступать ожидаемым образом.

Судя по опросам Фонда «Общественное мнение», для большинства россиян долгое время мировой финансово-экономический кризис имел скорее информационную, виртуальную, чем вещную природу. С конца октября по конец декабря доля россиян, полагающих, что российская экономика переживает кризис, плавно росла с 22 до 31 %, но в конце января этот показатель

¹ Опрос проводился при финансовой поддержке Фонда «Общественное мнение».

скачкообразно вырос до 51 %, а в начале февраля составлял уже 57 % [3]. Таким образом, опрос пришелся на время, когда в общественном мнении возобладали оценки экономической ситуации в России как кризисной, кризис для большинства россиян утратил информационную природу и стал реальным. К этому времени на федеральном уровне уже открыто говорили о необходимости программы антикризисных мер, что можно расценивать как *деятельное* признание реальности кризиса в России.

Как следует из наших данных, подобное признание не было свойственно региональному дискурсу «штабов», по крайней мере, в формате «интервью с внешним социологом». В текущей ситуации о практическом признании реальности, «вещности» кризиса можно говорить тогда, когда начинают готовить антикризисные программы. Наличие подобных программ эксперты отрицали. *«Программ, содержащих ключевое понятие «антикризисные меры», нет. Наверное, потому что в этом нет нужды, потому что на развитие и оживление производства работают другие программы»* – заверил один из экспертов (Э1, 78–84).

Того же мнения придерживается и другой эксперт: *«Если проанализировать все, что говорится, то не антикризисная, а меры по снижению негативного влияния финансового кризиса. Такие меры есть. В конце года (2008) проводилось совещание, где присутствовали представители реального сектора, банковских структур, розничная торговля, главы муниципальных образований, специалисты. И там был выработан краевой план мероприятий по повышению в этих условиях конкурентоспособности предприятий Краснодарского края. [В этом плане перечислено], что должно быть сделано на уровне Федерации, что на уровне региональной власти, что на уровне бизнеса и муниципальных властей»* (Э2, 278–289).

Таким образом, речь идет не о борьбе с кризисом, а об эшелонированных программах по оживлению и развитию аграрного сектора, повышении его конкурентоспособности. Шансы на успех оцениваются высоко, даже если программы не заработают на полную мощь: *«Если программы будут действовать хотя бы в половину ожидаемой эффективности, малые и средние секторы сельхозпроизводства будут достаточно оживлены»* (Э1, 85–87).

Что могут репрезентировать приведенные цитаты? Или отрезанность кубанского АПК от спекулятивных рынков, или запоздалую реакцию представителей региональных «штабов»: ведь до 6 октября 2008 г. с трибун федерального уровня Россию тоже провозглашали тихой гаванью, которую обойдут и девальвация, и массовые увольнения, и спад производства. *«Сельское хозяйство имеет благоприятную специфику [...]: каждый из нас три раза в день должен кушать, поэтому мясо, молоко, овощи будут востребованы при любом раскладе. Мне кажется, что это – та часть*

нашей экономики, которая будет ощущать себя наиболее стабильно» (Э1, 53–56).

Трудно оспорить тезис о том, что производство продовольствия удовлетворяет самые насущные, базовые потребности человека, без удовлетворения которых обойтись никак нельзя. Тем не менее, этот аргумент и в «тучные», некризисные времена работает непостоянно и неповсеместно. За этим аргументом угадывается упрощенное представление о том, что когда в принципе нужный продукт произведен, он сразу же будет востребован: воспроизведенный в любой точке земного шара он естественным образом растечется ровным слоем и будет доступен каждому желающему. Но ведь не каждому, иначе ООН не занималось бы программами по доставке продовольствия в беднейшие страны.

Тот же аргумент известный губернатор Кубани Н.И. Кондратенко вплетал в более сложную ткань рассуждений, делая вывод о том, что сельское хозяйство не может быть нерентабельным, а поскольку оно на деле нерентабельно, значит, политэкономия выстроена несправедливо, и несправедливость просматривается в двух масштабах (См., напр.: [1, с. 3]).

«Несправедливость» межотраслевого обмена внутри национальной экономики, т.е. низкие цены на сельхозпродукцию и высокие цены на промышленные товары, способствует перекачке необходимых для интенсивного развития ресурсов из сельского хозяйства в промышленность. Диспаритет цен в пользу промышленности вообще характерен для стран догоняющей индустриализации [2, с. 16-17]. Вторая «несправедливость» формируется в масштабе глобальной экономики, когда экспорт дешевой – дотируемой – сельхозпродукции из развитых стран способствует разорению местных сельхозпроизводителей в странах-импортерах. Получается двойной пресс: на внутреннем рынке при покупке промтоваров продукт российских аграриев слишком дешёв, а в конкуренции с зарубежными продуктами – слишком дорог для потребителя. Таким образом, речь идет не о том, нужна ли еда в принципе, а о том, кто ее будет производить: отечественный или более конкурентоспособный, в том числе, и поддержанный государственными дотациями производитель?

СЕЗОННОСТЬ АГРОБИЗНЕСА – НЕ БЕДА, А СЧАСТЬЕ!

О проявлениях кризиса всерьез заговорили тогда, когда у сельхозпредприятий стали появляться деньги за вырученный урожай на ведение осенних полевых работ. Оба эксперта, не сговариваясь, указали на сезонность, и оба, на вводный вопрос о возможных влияниях кризиса

заговорили о производстве зерна: *«Кризисом это назвать пока.... Мы раньше всех в России проводим комплекс посевных работ, и когда пошли первые сигналы, начался определенный ажиотаж в СМИ, мы уже провели весь комплекс работ: засеяли площади и внесли удобрений на уровне прошло года. То есть, по зерновой группе можно сказать, что мы полностью сделали задел на девятый год»* (Э2, 4–9). *«Нарастание кризиса явственно проявилось в октябре-ноябре. Кубанское сельское хозяйство – это в основном зерновое производство. Значительная доля сельхозпредприятий уже успела к моменту обострения реализовать продукцию. Разумеется, не всю, (...) не всем удалось получить цену, которую они считали справедливой, но (...) у большинства финансовые ресурсы имеются»* (Э1, 5–12).

Оптимизм омрачает упоминание о недостатке оборотных средств: *«Недостаток оборотных у сельхозпредприятий – это вечная проблема, она была, есть и будет»* (Э1, 4–5). Нехватку оборотных средств можно восполнить только кредитами, а где их брать в годину финансового кризиса? Однако это соображение не подрывает позицию экспертов, утверждающих: нехватка оборотных средств – обычное дело для российского сельского хозяйства, и кризис ничего существенного нового не принес.

В сельском хозяйстве есть всесезонные производства, например, животноводство. На Кубани, как и во многих других российских регионах, в предкризисные годы действовали целевые кредитные программы для развития малых, средних и крупных форм животноводческих хозяйств. Кредитов было выдано много, после чего цены на корма стали расти, а на мясо – падать. Поэтому в принципе можно было ожидать рост задолженности, особенно на фоне слухов о том, что банки начали требовать досрочных выплат: *«Кризис с производством свинины начался намного раньше, чем проявился у нас финансовый кризис, и кризис, который иногда называли несправедливо перепроизводством свинины, объясняется совсем другими причинами – объемами поставок дешевого мяса (...) из-за рубежа. Так что данный пример не имеет особой связи с кризисом»* (Э1, 66–71).

Таким образом, если трудности в АПК поделить на постоянные и связанные с кризисом, то к концу января виделись только постоянные.

РИСКИ ВСЕ ЖЕ ЕСТЬ: ВАЖЕН РАЗМЕР

В последние «тучные» годы по линии ПНП «Развитие АПК» и специализированных региональных программ направлялись серьезные кредиты на модернизацию крупных хозяйств, которые сделали большой объем

вложений в технологическое переоснащение, но не успели его завершить: *«Как правило, [модернизация] находится еще в процессе реализации и требует дополнительного вливания ресурсов, которое вдруг резко тормозится... Приходит крупная компания, приобретает несколько бывших колхозов или совхозов, акционерных обществ, начинает вкладывать в них ресурсы, технологизировать, модернизировать производство. В какой-то момент деньги у хозяина заканчиваются, и зачастую для этих компаний гораздо важнее сохранить свои центровые... секторы бизнеса, нежели периферийное аграрное производство. В таких случаях и происходит экономия на развитии»* (Э1, 34–42).

Фактически эксперт признает: мировой кризис может повлиять на АПК Кубани через ухудшение финансового положения крупных отечественных инвесторов, интегрированных в мировое хозяйство. А вот опасность для малых производителей отрицает: *«Я не думаю, что мировой финансовый кризис как-то серьезно скажется на людях, имеющих кредитную задолженность до полумиллиона рублей. Это средний, скажем так, максимальный объем того, что владельцы личных подсобных хозяйств брали. Поскольку кредит беспроцентный, и он уже реализован большей частью, то весь вопрос упирается лишь в текущие платежи»* (Э1, 48–52).

Если рублевый кредит (а селхозкредиты – рублевые) был правильно и вовремя потрачен, то хозяева, запустившие производственный процесс, уже получают продукцию. Трудность с погашением кредитов может быть связана не с мировым кризисом, а с трудностью сбыта на местном рынке. Между тем, как показывает опыт экспертных опросов, проводимых автором совместно с С.Г. Климовой в 2007–08 гг., говоря о трудностях, и животноводы, и чиновники, особенно районного уровня, сетовали на то, что свежее местное мясо вытеснено с оптового рынка импортом. Получалось, что одной рукой наращивалось производство, а другой – увеличивались объемы импорта. Мясокомбинаты, в частности, работали на низкокачественном (как утверждали эксперты), но дешевом импортном сырье, а розничная торговля оказывалась не в состоянии реализовать все выращенное мясо с выгодой для производителя. Получается, что кубанским аграриям риски несет не столько заморский финансовый кризис, сколько, разрешенный родным правительством импорт. Тем же, кому удалось сбыть полученный продукт, кризис на руку инфляцией – чем больше времени проходит, тем фактически дешевле становится кредит. Если, конечно, банк не меняет условия кредитования. Такую возможность отрицал первый эксперт, а интервью со вторым экспертом дало некоторую нюансировку ситуации по долгосрочным проектам: *«По животноводству... там, где были крупные инвестиционные проекты, отдельные предприятия начали испытывать проблемы с по-*

лучением денежных средств. (...) Они, допустим, открывали кредитную линию, и кредит брали не весь, а частями, на необходимую работу. И к концу года ряд предприятий столкнулись с тем, что либо им в рамках кредитной линии не открывали новый кредит (т.е. не выделяли новый транш. – О.О.),- тянули, пытались изменить условия по действующим кредитным договорам» (Э2, 11–19).

По существу эксперты сошлись на том, что «длинные» кредиты оказались более рискованными, чем короткие. Но и последние таили риски: *«К концу года наступал период погашения кредитов, которые брались на срок до года. Получалась ситуация, когда у предприятия есть зерно, но невыгодная конъюнктура. Ему нужно погашать кредит, а у него денег нет, и он вынужден обращаться, чтобы перекредитоваться»* (Э2, 49–53).

Консенсус, судя по интервью, достигается на совещаниях, которые Администрация Краснодарского края проводила с представителями банковских структур. По крайней мере, так это виделось представителям региональных «штабов».

ВЗГЛЯД С ПОЛЕЙ

Фермеры и владельцы ЛПХ при обсуждении итогов сельскохозяйственного года говорили, прежде всего, о диспаритете цен и условиях кредитования. Т.е. затрагивали те же темы, что и чиновники, только в менее дипломатичной манере. Показательно, что в ответах на вопрос о том, как прошел год для хозяйства, слово «кризис» ни разу не называлось; едва ли не каждый раз его приходилось вызывать специально: *«Как [кризис] отразился? Да пока вроде никак. Как работали потихонечку, и работаем. (...) Задержки (...) с выплатой (...) по кредитам связаны ни с каким не с кризисом, а просто с [низкими] рыночными ценами [на сельхозпродукцию]»* (Э5, 3–4, 104–106). *«В 2008-м году урожай лучше, но его цена меньше. Хотел разбогатеть, не разбогател. Но жить можно /.../ При этом увеличились цены на удобрение серьезно, на топливо идет поднятие цен. Сказать, что будет совсем плохо, – не будет. Просто мы хотели сделать большой шаг вперед, не сделали. Но это не говорит о том, что мы умираем. Это не шаг назад, это шаг на месте»* (Э3, 66–74).

«Как работали, так и работаем» и «топчемся на месте» – два описания одной ситуации, едва ли не идентичных по содержанию и разных по лексике, эмоциональности и стройности формулировок.

Практически все информанты интервью позитивные размышления о кредитах текущего и ближайшего будущего времени связывали с Россельхозбанком. Получается, что даже в аграрном крае на рынке

сельскохозяйственных кредитов остался только один реальный игрок. В интервью говорили не о невозможности получить кредиты, а о том, что кредит получить стало труднее: «Скажем так, резко пошло сокращение кредитов длинных. А недостатка средств коротких кредитов нет, я имею в виду Россельхозбанк. В других банках плохо, там и короткие кредиты трудно стало брать» (ЭЗ, 10, 77–79). «А Крайинвестбанк, я поговорила с директором, он говорит: хорошо, хорошо, я посмотрю, я то-то-то... Но до меня по слухам дошло, что они практически никому не дают кредит...» (ЭЗ, 252–254). Относительно этого банка была высказана гипотеза: чтобы снизить риски, он перестал быть собственно банком и превратился в кассу по сбору регулярных платежей, которая живет на комиссионных. Еще недавно активный на рынке сельхозкредитов Сбербанк поддерживает преимущества Россельхозбанка более высокой процентной ставкой и усложненной процедурой получения кредита: «В Сбербанке, я не со слов банкиров говорю, а со слов клиентов, – 24 процента, 25, и их трудно взять. В Россельхозбанке на данный момент под 17 процентов годовых для сельхозпредприятий» (ЭЗ, 79–85). 7–8 % годовых – серьезное преимущество Россельхозбанка для привлечения клиентов, однако, по-видимому, нельзя сказать, что оно достается совсем уж даром. Кризисная ситуация порождает соблазн возложить на клиента дополнительные издержки: «К сожалению, в сельхозбанке стали использовать те же схемы, которые в других банках: повысился платеж за открытие ссудного счета, (...) за обслуживание кредита, стали брать деньги за пролонгацию кредитов, за перезалог, за изменение договора залога. В сущности это (...) не радует, потому что простому фермеру абсолютно раньше была понятна схема: у тебя 17 % годовых. А сейчас получают скрытые проценты, эффективная ставка возросла» (ЭЗ, 86–95).

Собственно, необходимость проводить договора о перезалоге (перекредитовании) была осознана под влиянием кризиса. Перекредитование производится для того, чтобы поддержать, не банкротить в сложившейся трудной ситуации работоспособные предприятия. Поэтому логично, что эксперт не видит смысла в том, чтобы поддержку «тонущему» обременять «гирькой» платежа с суммы. Но банк старается навязать собственного «независимого» оценщика залогового имущества, чьи услуги могут стоить в 5–6 раз дороже. Сходную проблему затронул и ведущий в течение многих лет высокотехнологичное ЛПХ, член кредитного кооператива со стажем и навыками самостоятельного кредитования, который на момент интервью безуспешно пытался получить кредит в Россельхозбанке. Для оформления залога надо «пригнать комиссию, почему-то теперь она должна быть только из Краснодара, которая меньше, чем за сто тысяч,

не выезжает почему-то. Если мне надо сто тысяч кредита взять пока я оформлю, я должен около двухсот тысяч затратить денег, и тогда мне сто тысяч дадут» (Э9, 167–173).

Тем не менее, именно Россельхозбанк по-прежнему предлагает лучшие условия кредитования и остается наиболее привлекательным игроком не только для старых, действующих по инерции клиентов, но и тех, кто постоянно имеет возможность вести мониторинг рынка.

РОЛЬ КРЕДИТНЫХ КООПЕРАТИВОВ

Осторожность банкиров, усложняющих процедуры кредитования и обслуживания кредитов, достойна понимания, но лишь в той мере, в какой эта осторожность не ставит под угрозу функционирование самой системы разделения труда. На войне как на войне: собственной безопасности нельзя достичь, целиком перекаладывая риски на условного противника. Один из умудренных практическим опытом экспертов, заметим, совершенно далекий от анархизма в учете хозяйственной деятельности, буквально изумлялся умножением бумажной массы: *«Зачем эти серьезнейшие вещи [усложнение схем кредитования и документооборота]? Те же личные подсобные хозяйства не настолько все грамотные, чтобы содержать бухгалтерию, заниматься бумагами. Мы просто того же фермера и ЛПХ, частника отрываем от дел, заставляя заниматься, бог знает чем. Эти правила легко поймет бухгалтер, как дважды два поймут в департаменте. Но извините, как бухгалтеру тяжело поросенка вырастить, так крестьянину тяжело заниматься этими бумагами»* (Э3, 205–211).

Подчеркнем, что речь идет об усложнении правил для тех, кто своей многолетней производственной деятельностью и кредитной историей подтвердили правомерность притязаний на устойчивый хозяйственный статус. И выделение или продление кредита по идее является не поощрением, но элементарным условием для продолжения хозяйственной деятельности.

Но самое нелогичное в этой ситуации то, что речь по существу идет о попытках банков напрямую контролировать даже тех заемщиков, которые хотят взять новый или переоформить старый кредит через кредитный кооператив. Это особенно выглядит нелогичным в период, когда банки в качестве первой заботы провозглашают снижение рисков, поскольку кредитный кооператив, объединяя финансово неустойчивых сельхозпроизводителей, как раз и снижает риски банка от несвоевременного погашения кредитов: *«Мы хорошие плательщики, мы вовремя возвращаем, мы не задержали пока еще банку ни на один час. Ни уплату*

процентов, ни уплаты [основного долга]. Нам [если] задержали [выплату клиенты], мы за счет собственных ресурсов [погашаем]. Если б они [клиенты], брали непосредственно, для банка бы это уже была проблема, а так мы, кооператив, эту проблему разглаживаем, потому что за счет собственных ресурсов вовремя отдаем, а со своими заемщиками уже разбираемся» (Э5, 225–231).

О том же самом, но развернуто говорил другой эксперт, тоже руководитель кредитного кооператива. «В банке я кредиты гащу тогда, когда это требует наш кредитный договор, частями гащу, забираю из других мест, перекладываю, но на фермера эту ответственность я не возлагаю. Перекредитовавшись в банке, я этим самым фермеру не ставлю проблему срочно отдать кредит, чтобы потом его получить опять. Это большая проблема, и сейчас эта проблема существует в сельхозпредприятиях» (Э3, 21–26).

Кооператив, таким образом, располагая гораздо большими ресурсами, чем любой отдельный пайщик, все риски за своевременное погашение кредитов берет на себя. А когда банк работает непосредственно с клиентом, все риски ложатся на него. Одновременно, разумно организованный кооператив способствует устойчивости малых сельхозпроизводителей, поодиночке более уязвимых для колебаний конъюнктуры на местных рынках: «Есть фермеры, которым тяжело сейчас живется, есть те, которым лучше /.../ Я некоторым фермерам позволяю не платить проценты, потом заплатите, когда будет возможность. Я знаю, что сейчас у него лежит 100 тонн пшеницы, а цены на нее нет, ну не продавай эту пшеницу, потому что придет время, когда ты ее продашь» (Э3, 34–40).

При этом не следует приравнивать кредитный кооператив к благотворительной организации. В нашей небольшой коллекции интервью есть рассказы о продаже кредитным кооперативом имущества несостоятельных должников. Таким образом, кредитные кооперативы являются стабилизатором в эпоху финансового кризиса, однако следов того, что на этот институт «штабами» делается серьезная ставка, заметить не удалось.

РЕЗЮМЕ

На всех уровнях наши информанты говорили о недостатке средств и возлагали все надежды на финансовую вертикаль. Если взоры региональных «штабов» были обращены к федеральному уровню, то «полевые командиры» смотрели на отделения банков районного и краевого уровня.

Отделить проблемы постоянные от преходящих, связанных с кризисом, не получалось в интервью ни со «штабными», ни с «полевыми» экспертами. Оборотных средств сельхозпроизводителям всегда – и в советское, и в досоветское время – не хватало, поэтому для продолжения хозяйственной деятельности приходилось брать кредиты. Диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию сохраняется и вроде бы не зависит от ситуации на мировых финансовых рынках. Проблемы собрать, сохранить и реализовать выращенную продукцию – тоже постоянные. Тонкость в том, что влиять мировой финансовый кризис на условия хозяйствования может не какими-то особенными способами, а старыми и до боли знакомыми. Иными словами, кубанские крестьяне могут ощутить мировой финансовый кризис: через поведение банков, ужесточивших условия кредитования и снизивших его объемы; через трудности реализации продукции из-за снижения объемов свободных средств у оптовиков и те же трудности кредитования; через усилившийся диспаритет цен.

В прошлые годы крестьяне тоже жаловались на то, что у них нет денег. А вот чем отличается «нет денег» прошлых лет от «нет денег» года 2009, только качественными методами прояснить вряд ли возможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопрос кубанскому главе Н. Кондратенко: Почему покидаете ключевой пост вопреки воле людей // Кубанские новости. 2000. 2 ноября. С. 3.
2. Назаренко В.И. Государство и сельское хозяйство на Западе. М.: Ин-т Европы РАН, 2006. С. 16-17.
3. Оценка экономической ситуации в России // Доминанты. М.: ФОМ, 2009. № 14. 9 апр. (<http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom091411>)